

Попов-Штарк Владимир Алексеевич

**Федор Матюшкин.
Полярный путешественник.
1799-1872: Биографический
очерк**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84-4
В57

В57 **Владимир Алексеевич П.**
Федор Матюшкин. Полярный путешественник. 1799-1872: Биографический очерк / Попов-Штарк Владимир Алексеевич – М.: Книга по Требованию, 2026. – 36 с.

ISBN 978-5-519-79134-2

ISBN 978-5-519-79134-2

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2026

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2026

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Федор Федорович
МАТЮШКИН

Мало кто знает имя русского полярного путешественника Ф. Ф. Матюшкина. Если кто и слышал о нем, то лишь как об одном из лицейских товарищей Пушкина.

Матюшкин был единственным из лицейстов первого выпуска, почувствовавшим влечение к морю и избравшим себе путь моряка.

Пушкин в стихотворении „19-го октября 1825 года“ писал, имея в виду Матюшкина:

Счастливый путь! С лицейского порога
Ты на корабль перешагнул шутя,
И с той поры в морях твоя дорога,
О, воля и бурь любимое дитя!

По свидетельству Я. Н. Грота, Матюшкин был одним из товарищей, к которым и в лицее и по выходе из него великий русский поэт питал неизменную дружбу.

Последняя их встреча была у бывшего лицеиста М. А. Яковлева в день его именин — 8 ноября 1836 года. Через два с половиной месяца после этой встречи великий поэт лежал в гробу. Матюшкин, служа в Черноморском флоте, находился в Севастополе. Получив известие о трагической гибели любимого друга, он писал Яковлеву:

„Пушкин убит! Яковлев! Как ты это допустил? У какого подлеца поднялась на него рука? Яковлев, Яковлев! Как мог ты это допустить? Наш круг редееет. Пора и нам убираться“.

Ф. Ф. Матюшкин родился в 1799 году в Штутгарте, где отец его служил советником русского посольства. Рано осиротев, мальчик получил первоначальное обра-

зование в пансионе при Московском университете, а потом опекуны устроили его в 1811 году в только что открытый царскосельский лицей.

Матюшкин обладал хорошими способностями, был прилежен, отличался застенчивостью и молчаливостью. Товарищи любили его. Для лишенного семьи Матюшкина круг лицейских товарищей стал второй семьей. Матюшкин высоко ценил дружбу своих сверстников и всегда с любовью вспоминал все мелочи лицейского периода, тем более что дальнейшая жизнь его была одинока: он остался на всю жизнь холостяком.

Еще в лицее Матюшкин увлекался описаниями путешествий. Скоро им овладела неутолимая жажда к странствованиям. Федор Матюшкин решил стать моряком. По окончании лицея он обращается за содействием к директору Энгельгардту. К счастью, как раз в эту пору в Петербурге снаряжалась кругосветная экспедиция на шлюпе „Камчатка“ под начальством прославившегося еще по первому своему кругосветному плаванию на шлюпе „Диана“ капитана второго ранга Василия Михайловича Головнина. При содействии Энгельгарда Матюшкину посчастливилось попасть волонтером на 33-пушечный шлюп „Камчатка“.

Плавать под командой капитана Головнина считалось большой честью и для окончивших морской корпус, а для штатского, каким являлся лицеист Матюшкин, — и подавно.

Два года и десять дней (1817—1819) находился в кругосветном плавании шлюп „Камчатка“.

Среди судового списка „офицеров, нижних чинов и пассажиров, во все время путешествия находившихся на шлюпе“, значились следующие лица:

мичман Федор Литке, впоследствии начальник экспедиции для исследования Новой Земли,

Фердинанд Врангель, позже также начальник экспедиции, занимавшейся исследованием полярных земель, и коллежский секретарь Федор Матюшкин.

Замечательное совпадение! В образцовой морской пловучей школе, какой являлся шлюп Головнина, сошлись и подружились три молодых человека, ставшие впоследствии выдающимися полярными исследователями: Литке, Врангель и Матюшкин.

В начале второго года плавания, видя старание юного „коллежского секретаря“ выучиться морскому делу, Головин „возложил на него исполнение обязанностей мичмана“.

Так Матюшкин из пассажира и коллежского секретаря превратился в моряка, всецело отдавшегося избранной им профессии.

К сожалению, Матюшкин не любил писать. Он не создал ни одной книги о своих многочисленных плаваниях, в то время как Литке и Врангель оставили замечательные описания своих путешествий. Правда, после смерти Матюшкина среди его бумаг найден дневник, который он вел, находясь в плавании на „Камчатке“. Но научная ценность этого дневника невелика. Его страницы наполнены юношескими восторгами морем, перемешанными с жалобами на морскую болезнь. Скоро Матюшкин прекратил вести и этот дневник. И его жизнь и дела так и остались бы неизвестными, если бы, к счастью, нам в наследие не остались его рапорты по начальству, связанные с исследовательскими походами по Чукотке, относящимися к 1820—1824 годам. Эти рапорты написаны очень обстоятельно и содержат так много живых и умных наблюдений над жизнью народов Крайнего Севера Сибири, над ее природой, что дают возможность представить себе личность этого несправедливо забытого полярного исследователя.

ПУТЬ В АРКТИКУ

Уже через полгода по возвращении из кругосветного плавания на шлюпе „Камчатка“, весной 1820 года, мичман Матюшкин был назначен в экспедицию, отправлявшуюся под начальством лейтенанта Ф. Врангеля „для исследования и точнейшего определения берегов Северного Ледовитого океана, а также для отыскания предполагаемых земель к северу от Шелагского мыса“.

Лейтенант Врангель знал, кого он привлекал к большому, серьезному и ответственному делу. Он сам хлопотал о том, чтобы Матюшкин, находившийся на отличном счету во флоте, был прикомандирован к нему.

Экспедиция эта была береговая, без участия морских судов, и состояла из двух групп. Одной группе, под командой Врангеля, поручалось, выйдя из устья Колымы, обследовать и произвести съемку берегов океана от Индигирки до залива Колючинского, с возможно дальним проникновением по морскому льду к северу для отыскания проблематической Земли Андреева, другой, под начальством лейтенанта Анжу, предстояло по выходе из устья Яны обследовать группы островов Котельного, Фадеевского, Новой Сибири и сибирского побережья от Индигирки до Оленека.

В отряде Врангеля состояли: мичман Матюшкин, штурман Козьмин (тоже участник плавания на шлюпе „Камчатка“), врач и натуралист Кибер, слесарь Иванников и матрос Нехорошков.

Оба отряда экспедиции отправились из Петербурга в Сибирь 23 марта 1820 года, разъединившись в Москве: Врангель и Матюшкин, желая использовать еще санный путь, отправились вперед, а Анжу остался до установления летнего пути.

Поехали они налегке, с одними чемоданами, на перекладных. При приближении к Уралу путников застигла весенняя распутица. Разливы рек крайне замедляли путешествие. От Москвы до Иркутска моряки встречали несколько раз весну и зиму. Так, в Казани зеленели деревья, луга пестрели цветами, а на высотах и в долинах Уральских гор лежал еще глубокий снег.

В Иркутске моряки явились к тогдашнему генерал-губернатору М. М. Сперанскому. Тот вызвал находившегося в ссылке полярного исследователя Геденштрёма, посетившего в 1811—1812 годах Ляховские и Новосибирские острова и побережье Ледовитого океана. Сведения, данные Геденштромом, оказались весьма важными и полезными: он рассказал о тяжелых условиях передвижения в Колымском крае. Поэтому Врангель отправил Матюшкина вперед, для устройства в Нижнеколымске экспедиционной базы.

В начале ноября, преодолев 11 тысяч верст, Матюшкин достиг бедной рыбацкой деревни — Нижнеколымского острога, который и стал опорным пунктом экспедиции.

Несмотря на предписания якутских властей, здесь ничего для экспедиции приготовлено не было. Такую неподготовленность нижеколымский исправник объяснил тем, что ему-де казалось „невероятным“ прибытие из Петербурга экспедиции в нынешнем году — столь глухим краем была тогда Колымская область.

Матюшкину пришлось все заботы взять на себя. Он закупил у местных жителей и уложил в снежный погреб запас рыбы для людей и собак, по его распоряжению и под его надзором, при жестоких морозах, была возведена над домом „штаб-квартиры“ башня для астрономических наблюдений. Успел Матюшкин съездить и к устью Колымы, чтобы собрать там сведения о размерах осенних рыбных промыслов.

Исследовательскую деятельность Матюшкина на Чукотке в 1820 — 1824 годах можно разделить на четыре периода:

1) поездка в местечко Островное на Малом Анюе с целью завязать дружеские отношения с чукчами — воинственным кочевым народом Крайнего Севера Сибири;

2) путешествие к востоку от Колымы до Чаунской губы;

3) плавание на плоту по Малому Анюю;

4) четырехкратные рейды в океан по морскому льду для отыскания неведомой земли.

ПЕРВОЕ ЗНАКОМСТВО С ЧУКЧАМИ

Однажды в Нижнеколымск дали знать, что в Островное прибыло 26 семейств чаунских и приморских чукчей и что вслед за ними должны прибыть чукчи, кочевавшие у Берингова пролива.

Известие это обрадовало приказчиков, поджидавших прихода чукчей, и они поспешили в Островное в надежде хорошо поторговать. Вслед за ними отправились на двух нартах и Матюшкин с казаком и якутом, знавшим язык чукчей.

Матюшкин желал познакомиться с чукчами, закупить у них моржовые ремни и китовые ребра для упряжки нарт и, наконец, установить с ними мирные и дружеские взаимоотношения. Чукчи тогда относились к рус-

ским недоверчиво, помня насильственные поборы казаков-завоевателей.

Через четыре дня, проделав 250-верстный путь на собаках, Матюшкин прибыл в Островное, расположенное на одном из островов, образуемых Малым Анюем. Поселок состоял из полуразвалившейся церковки и 30 домов с бревенчатым острогом эпохи завоевания Восточной Сибири казаками.

Островное кишело съехавшимися на Чукотскую ярмарку сибиряками. Острог и убогие домики, с трудом отрытые ради такого торжественного события из-под снега, чернели на ослепительно белом фоне. Возле станов с нартами, окруженными людьми, пылали жаркие костры, посылая в темноголубое полярное небо, усеянное звездами, прямые столбы дыма, пронизанные яркими красками. Казалось, именно в этих кострах рождались звезды и, поднимаясь по дымовым столбам в неподвижном морозном воздухе, располагались в стройном порядке по небесному своду. Необычайность картины увеличивалась красными и зеленовато-белыми как бы парчевыми складками северного сияния. Они бесшумно колыхались по краям горизонта и отбрасывали на все видимое пространство какой-то неземной свет. Сказочность обстановки дополняли тускло светившиеся ледяные оконца жилищ, до отказа набитых приезжими.

Стойбище чукчей находилось на маленьком острове, неподалеку от места торго. Оттуда доносились глухо звучащие удары шаманских бубнов, которые покрывал надрывный многоголосый вой нескольких сот ездовых собак. Чукчи расположились девятью отдельными станами, каждый старшина рода со своими домочадцами особо.

Предметами торго чукчей были меха лисиц, песцов, куниц, выдр, бобров, медвежьих шкуры, вымененные ими на Аляске. Из собственных изделий и охотничьей добычи чукчи доставили санные полозья из китовых ребер, мешки из тюленьей кожи и моржовую шерсть.

Русские для меновой торговли приготовили деревянные полозья для нарт, котлы, топоры, ножи, огнива, иглы, медную, жестяную и деревянную посуду, разноцветный бисер, табак, трубки и спирт.

В день открытия торга на одной из башенок острога был поднят флаг. „Тогда чукчи, — рапортует Матюшкин, — вооруженные копьями, луками и стрелами, в порядке стали приближаться к острогу и на косогоре расположили свои сани с товарами в виде полукружия. Русские помещались на противной стороне и с нетерпением ожидали колокольного звона, означавшего позволение начать торг. С первым ударом колокола, казалось, какая-то сверхъестественная сила охватила русскую сторону и бросила старых и молодых мужчин шумною беспорядочною толпою в ряды чукчей: каждый старался опередить других, спешил первым подойти к саням, чтобы захватить там лучшее и сбыть повыгоднее свои товары. Обвешанные топорами, ножами, трубками, нитками бисера, таща в одной руке тяжелую кладь с табаком, а в другой чугунные котлы, купцы перебежали от одних саней к другим, торговались, клялись, перевозили свои товары. Крик, шум и толкотня выше всякого описания. Иной второпях оступится и упадет в снег. Другие спешат через него. Он теряет шапку, рукавицы и с непокрытой головою и голыми руками, несмотря на 30-градусный мороз, бежит дальше, стараясь усиленной деятельностью вознаградить потерянное время“.

„Странную противоположность с суетливостью русских составляют спокойствие и неподвижность чукчей. Они стоят, облокотившись на копья, у своих нарт и вовсе не отвечают на красноречие „противников“. Если торг кажется им выгодным, то молча берут они предлагаемые предметы и отдают свои товары. Такое кладнокровие и обдуманность, составляющие отличительную черту характера чукчей, дает им в торге большое преимущество перед русскими... Здесь имел я случай удивляться верности, с какою чукчи, не зная вовсе весов, просто рукою отгадывают тяжесть предмета и в двух пудах замечают недостаток двух, даже одного фунта“.

Матюшкин воспользовался ярмаркой, чтобы сблизиться с родовыми чукотскими старшинами и предупредить их о своем намерении посетить Чукотскую землю. Свидание состоялось в присутственном месте — в остроге. Явились старшины с Шелагского мыса, с Чаунской губы и из других мест.

Угостив и одарив их табаком, Матюшкин объявил, что русским правительством ему поручено осмотреть берега Ледовитого моря для того, чтобы найти легчайший путь привозить русским и чукчам на кораблях табак, железо и другие необходимые товары. Для этого ему придется приближаться к их кочевьям и даже пересекать их, но он надеется, что это не послужит причиной недружелюбных действий с их стороны, и предлагает им дружбу и щедрую оплату за все услуги, которые могут от них понадобиться.

Старшины заверили русского моряка, что не только примут его дружески, но и окажут всяческую помощь. Как бы в подтверждение своих добрых намерений старшина Камакай пригласил Матюшкина посетить их народные игрища, устраиваемые по поводу ярмарки недалеко от острога.

На это редкое зрелище собрались, конечно, все местные жители и все приезжие. Игры состояли из гонок оленьих упряжек и состязаний в пешем беге. Призом победителей являлись бобровый и песцовый мех и пара великолепных моржовых бивней.

Несмотря на глубокий снег и свою тяжелую мешкообразную меховую одежду, придававшую чукчам неуклюжий вид, участники пешего бега на пятнадцать верст проявили такую ловкость и проворство, что вызвали бурный восторг как у русских, так и у своих сородичей.

Особо поразили собравшихся необыкновенная быстрота упряжного бега оленей и мастерское управление ими чукчей.

Матюшкин, с интересом наблюдавший игрища, закончившиеся раздачей призов и угощением их участников вареной олениной, отмечает замечательное спокойствие и порядок среди чукчей не только во время игр, но и при угощении: „не замечалось ни толкотни, ни споров, и каждый из них вел себя тихо и благопристойно“.

Побывали чукчи и в гостях на квартире русского моряка в остроге. Он угощал их чаем с леденцами, баранками и табаком. Женщины, польщенные ласковым приемом хозяина, устроили пляски: пятнадцать закутанных в неуклюжие, широкие меховые платья чукчанок медленно топтались на месте, едва передвигая ноги и